

«TERAZ NIE PORA SZUKAĆ WYMÓWEK...»

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: СОСТОИТСЯ ЛИ ПРИМИРЕНИЕ?

Историческое время нелинейно и отличается от физического. Доказательством тому – Вторая мировая война. В те шесть лет, пока она продолжалась, уместилось столько событий, сколько хватило бы на десятилетия (если не на столетия) спокойной человеческой истории. Бесконечные военные кампании, дипломатические игры, целая шпионская эпопея. Возникали и исчезали государства, вспыхивали и подавлялись восстания. И длилась невиданная человеческая трагедия. Это ужасное и героическое время до сих пор вдохновляет многих художников на создание новых произведений. 70-летие начала Второй мировой доказало, что, она, к сожалению, вдохновляет и на все новые политические споры и разногласия.

ПРЕДМЕТ СПОРА

Дискуссии вокруг Второй мировой войны, ее причин и итогов, собственно говоря, никогда и не утихали. В последние месяцы накануне 70-летнего юбилея идеологическая и политическая перестрелка, зачастую весьма далекая от исторической правды, только усилилась. Наконец, свое слово сказали орудия главного калибра – президент Польши Лех Качиньский и премьер-министр России Владимир Путин. Лидер Польши был жесток и безапелляционен в своих оценках. Выступая на официальных мероприятиях в Гданьске 1 сентября 2009 года, он заявил: «Наступило 17 сентября. В этот день Варшава и Модлин еще не сдались, еще шла битва на

Бзуре, немцы были вынуждены отступить от Львова. Однако Польша нанесла удар в спину. Его нанесла большевистская Россия в соответствии с пактом Молотова-Риббентропа, выполняя, скажем так, свои союзнические обязательства». Л. Качиньский фактически напрямую обвинил Советский Союз в равной ответственности с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны: «В 1941 году начался конфликт двух тоталитарных, шовинистических режимов. Он был неизбежен. Обе стороны пытались перехитрить друг друга. При этом погибли миллионы, в том числе и советских солдат: русских, украинцев, белорусов, грузин, азербайджанцев». Правда, к чести польского президента, необходимо отметить, что он признал вину своего государства за участие в разделе Чехословакии в 1938 году. Но признание оказалось лишь частичным. Л. Качиньский сурово констатировал: «Поэтому сегодня я вновь хочу сказать – и повторю еще не раз: не Польша следует учить уроки смирения. У нас нет для этого причин. Причины есть у других. У тех, кто своими действиями развязал эту войну. У тех, кто ее упростил». Кроме прочего, президент Польши приравнял расстрел польских граждан в Катыни к Холокосту [1]. Собственно, речь польского президента представляла собой концентрированное изложение популярного на Западе видения хода той страшной войны. Видения, прямо скажем, весьма упрощенного и далекого от действительности. Но от этого не менее популярного. Вот что, например, писала 1 сентября 2009 года в редакционной статье «Цена умиротворения. Вспоминая польские уроки 1939 года» американская газета «Washington Times»: «У диктатур в Германии, Италии, Советском Союзе и Японии не было никаких проблем с проведением агрессивной и во-

Немецкие солдаты убирают шлагбаум на границе с Польшей, 1 сентября 1939 года

инственной политики, когда их это устраивало... Утонченная аудитория на Западе не обращала особого внимания на заявления тоталитарных государств о том, что они самой судьбой обречены править своими соседями и уничтожать врагов, считая это простой риторикой. Речи Гитлера, Иосифа Сталина и Бенито Муссолини из той эпохи кажутся настоящей дорожной картой, указывающей путь к будущим трагедиям». Примерно в таком же духе выдержана и статья «Амнезия в России», опубликованная 2 сентября 2009 года в немецкой «Die Tageszeitung».

На этом фоне довольно сдержанной выглядела позиция, занятая российским премьером Владимиром Путиным. В своей статье «Страницы истории – повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?», опубликованной 31 августа 2009 года в польской «Gazeta Wyborcza», он расставил акценты следующим образом: «На мой взгляд, нравственный аспект проводимой политики особенно важен. И в этой связи напомним, что в нашей стране аморальный характер пакта Молотова-Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку. Чего пока нельзя сказать о ряде других государств – хотя они также принимали далеко неоднозначные решения в 30-е годы». При этом Владимир Путин напомнил и об аншлюсе 1938 года, и о Мюнхенскомговоре. Позиция была сформулирована предельно четко: Россия, как и другие страны, может сожалеть о своих ошибках, но ей не за что просить прощения.

СКЕЛЕТЫ В ШКАФУ

Не так давно один европейский политик в разговоре со мной искренне удивлялся: «Почему вы, белорусы, так цепляетесь за тему Второй мировой войны? Это уже не актуальный контекст в европейских делах». Действительно, несмотря на пламенную речь польского президента в Гданьске, многие европейцы, да и не только они, предпочитают забыть и о Второй мировой, и о ее уроках. Практически каждая страна имеет неприятные сюжеты в этой истории и стремится

каким-то образом изжить связанные с этим комплексы. Позиция жертвы крайне неприятна в момент совершения события, но весьма полезна при его последующей оценке. Вот и Германия, все послевоенное время кающаяся за грехи гитлеровского режима, придумала удобные лакуны для своего исторического сознания. Вся вина за преступления возлагается исключительно на НСДАП, СС, гестапо, а вермахт выводится за скобки военных преступлений. Его символы для современных немцев не Кейтель и Йодль, а Роммель и граф фон Штауффенберг. Значение заговора военных 20 июля 1944 года преувеличива-

ется чрезвычайно. Нашли немцы для себя и жертвенную нишу. Это, прежде всего, бомбардировки немецких городов англо-американской авиацией, а также широко разрекламированные истории о «массовых изнасилованиях немок» красноармейцами. Канцлер Германии Ангела Меркель упомянула на церемонии в Гданьске и о миллионах немцев, депортированных после войны из западных областей Польши. Но вернемся к выступлению президента Леха Качиньского. Некоторые из его тезисов тянут на настоящее научное открытие. Советская историография сводила причины войны исключительно к противостоянию различных империалистических группировок. Не могу отказать себе в удовольствии процитировать выдержку из официальной советской «Истории Второй мировой войны»: «Вторая мировая война началась как несправедливая, империалистическая и со стороны

Делегации 30 стран, в том числе и Беларуси, приняли участие в церемонии по случаю 70-й годовщины начала Второй мировой войны. Гданьск, 1 сентября 2009 года

фашистской Германии, и со стороны Англии и Франции. Польша, ставшая жертвой гитлеровской агрессии, оказалась в особых условиях. Правящие круги этой страны на протяжении всего довоенного периода проводили реакционную политику и вынашивали враждебные планы в отношении Советского Союза и других государств. Учитывая экономическую и военную слабость страны, они рассчитывали обеспечить реализацию этих планов в союзе с сильными империалистическими державами. Однако Польша сама стала объектом фашистской агрессии, и ее правящие круги были лишены возможности продолжать свой довоенный политический курс. В войне против Польши гитлеровская Германия ставила своей целью уничтожение польского суверенного государства, истребление прогрессивных сил нации. Польский народ вступил в справедливую борьбу за национальное существование, спасение своей государственности и сохранение культуры» [2, с. 16]. Как говорится, почувствуйте разницу с выступлением президента Качиньского! Диаметрально противоположные взгляды, но абсолютная схожесть в безапелляционности суждений. Объяснение причин Второй мировой войны просто злыми кознями двух диктаторов – весьма примитивный подход. Ведь Вторая мировая разворачивалась далеко не только в Европе, но и на Тихом океане, где главными противниками были США и Япония. А там какие тоталитарные режимы делили мир?

Да и насчет безупречности поведения Польши, мягко говоря, имеются серьезные сомнения. Польское правительство не только участвовало в разделе Чехословакии в 1938 году, но, судя по документам, было не против принять участие и в агрессии против Советского Союза. В январе 1939 года тот самый министр иностранных дел Третьего рейха И. Риббентроп прибыл с визитом в Варшаву. Сохранилась запись его беседы с

польским коллегой Ю. Беком: «Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю; он тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собой для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза. Впрочем, он, говоря о будущем Советского Союза, высказал мнение, что Советский Союз либо развалится вследствие внутреннего распада, либо, чтобы избежать этой участи, заранее соберет в кулак все свои силы и нанесет удар» [3, т. 1, с. 195].

Стремление Германии и Польши к двухстороннему союзу на определенном этапе даже не скрывалось. Немецкий посол в Варшаве Г. Мольтке откровенно признался в интервью, опубликованном 13 февраля 1939 года: «Обстановка полностью ясна. Мы знаем, что Польша в случае германо-русского конфликта будет стоять на нашей стороне. Это совершенно определено» [3, т. 1, с. 228].

Еще одно заявление президента Л. Качиньского тоже сродни сенсации: польская армия сражалась в сентябре 1939 года всё лучше, и только пресловутый «удар в спину» Красной армии привел к поражению! Конечно, никто не оспаривает героизма польских солдат. Защитники Вестерплатте и Варшавы, Модлина и Радомы вписали героическую страницу в историю Второй мировой. Но документально подтвержденным фактом является и другое. Несмотря на весь героизм, к середине сентября 1939 года польская армия была полностью разгромлена. Вот что писал авторитетнейший британский военный историк и стратег Дж. Фуллер: «К 17 сентября все боевые действия к западу от Вислы фактически прекратились, и война была перенесена на рубеж Буга. В этот день русские без объявления войны перешли восточную границу Польши... 17 сентября американский корреспондент У. Ширер, находившийся в Сопоте, близ Данцига, пометил в своем дневнике: «Весь день ехал из Берлина через Померанию и Коридор, чтобы добраться сюда. Дороги забиты колоннами германских моторизо-

Немецкие войска
вступают в Прагу,
15 марта 1939 года

ванных частей, возвращающихся из Польши» [4, с. 61–62]. То есть к 17 сентября немцы даже начали отвод некоторых частей, выполнивших свои задачи. Красная армия, войдя на территорию Западной Беларуси, в Бресте и Гродно столкнулась с германскими войсками, уже вышедшими к этим городам. 16 сентября польское правительство покинуло страну. Нужно признать честно и откровенно: к 17 сентября 1939 года польского государства в полном смысле этого слова больше не существовало. О каком всё возрастающем сопротивлении можно было вести речь?

Одна из главных причин поражения Польши заключается вовсе не в действиях СССР. Предательство исходило со стороны западных союзников Варшавы – Англии и Франции, которые, как известно, 3 сентября 1939 года объявили войну Германии, но при этом не предприняли никаких конкретных действий. Кстати, подобная «странная война» вовсе не исключительный пример в поведении тех же англичан во Второй мировой войне. Подобным образом они предали в апреле 1941 года Грецию и Югославию. Тогда Британский экспедиционный корпус на Балканах бежал с поля боя при первых ударах немецких войск. Тот же Дж. Фуллер так оценил действия Англии и Франции в сентябре 1939 года: «Сильнейшая армия в мире, перед которой находились не больше 26 дивизий противника, бездействовала, укрывшись за сталью и бетоном, в то время как враг стирал с лица земли мужественного до донкихотства союзника» [4, с. 64].

Двусмысленная политика правящих кругов Великобритании внушала Гитлеру небезосновательную надежду на возможный будущий союз с этой страной. Фюрер в своей резиденции Бергхоф предавался мечтаниям о великом союзе двух германских народов: «Я уверен, конец войны положит начало прочной дружбе с Англией. Мы будем жить с ними в мире. Предпосылка – нокаут, который англичанин должен получить от того, кого обязан уважать: необходимо искупить позор 1918 года... Мне уже не суждено дожить до этого, но я рад за немецкий народ, который

однажды увидит, как Англия и Германия плечом к плечу выступят против Америки. Германия и Англия будут знать, чего можно ожидать друг от друга. У нас будет надежный союзник: они жуткие наглецы, и все же я восхищаюсь ими: нам еще нужно многому у них научиться» [5, с. 27, 38]. Не выдерживает критики утверждение о том, что именно договор с Советским Союзом открыл дорогу для начала войны. К моменту переговоров в Москве 23 августа 1939 года германская армия была уже

отмобилизована и полностью готова к боевым действиям. Агрессия против такой страны, как Польша, не могла быть подготовлена за неделю. План вторжения «Вайс» был утвержден фюрером еще в апреле. В нем откровенно признавалось, что позиция СССР никоим образом не помешает агрессии: «Вмешательство России, если бы она была на это способна, по всей вероятности, не помогло бы Польше, так как это означало бы уничтожение ее большевиками» [3, с. 376].

В наши дни не только политики, но и часть историков и журналистов пытаются задним числом приписать СССР роль союзника Германии в период между 17 сентября 1939 года и 22 июня 1941 года. При этом обычно ссылаются и на пакт Молотова-Риббентропа, и на ввод советских войск в Польшу, и на Договор о дружбе и границе 28 сентября 1939 года. Доходит до того, что в некоторых справочниках, в том числе и популярной Интернет-энциклопедии «Википедия», среди стран «оси» указывают и СССР. Однако, несмотря на все факты сотрудничества СССР с Германией в 1939–1941 годах, ни у кого из современников не возникало ощущения, что эти государства являются полноценными союзниками. У Черчилля, в то время военно-морской министр Великобритании, так отреагировал на ввод советских войск на территорию Польши в своем выступлении по радио 1 октября

Капитуляция
гарнизона Вестерплатте,
7 сентября 1939 года

1939 года: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть» [2, с. 357]. Немаловажно и то, что Англия и Франция, находившиеся в состоянии войны с Германией после ее нападения на Польшу, не объявили войну Советскому Союзу. Следовательно, они не считали его военным союзником Германии. Не получили действия СССР осуждения и со стороны Лиги Наций. Советский Союз был признан агрессором и исключен из этой международной организации только после нападения на Финляндию в декабре 1939 года.

Не питал никаких иллюзий относительно международной позиции СССР и сам фюрер Третьего рейха. На совещании высшего руководства Германии в Бергхофе 13 июля 1940 года отмечалось: «Признается заинтересованность России в том, чтобы не дать нам стать слишком сильными... Больше всего фюрера волнует вопрос, почему Англия не хочет пойти по пути к миру. Как и мы, причиной этого он считает то, что Англия еще имеет надежду на Россию» [6, с. 111]. Гитлер осознавал, что «Россия – Англия: обе стремятся друг к другу. Русские боятся скомпрометировать себя в наших глазах... Однако действительные настроения, имею-

щие место в России, находят свое выражение при других обстоятельствах. Здесь звучит призыв к борьбе против Германии» [6, с. 115]. Уже 21 июля 1940 года Гитлер ставил такие задачи перед своими генералами: «Разбить русские сухопутные войска или по меньшей мере захватить в свои руки такое русское пространство, какое необходимо, чтобы не допустить вражеских воздушных налетов на Берлин и Силезский промышленный район.

Желательно продвинуться так далеко, чтобы наша люфтваффе смогла разбомбить важнейшие цели России» [6, с. 114]. Так что ни о каком подлинном союзе, тем более военном, между гитлеровской Германией и СССР не могло быть и речи. Да, было сотрудничество, вынужденное, обусловленное целым рядом обстоятельств. Главное из них – абсолютное нежелание англо-французского блока идти на тесное сотрудничество с Москвой, ярко проявившееся во время длившихся четыре месяца трехсторонних переговоров в 1939 году. Нельзя забывать и о том, что СССР мог столкнуться с войной на два фронта. Летом 1939 года на Дальнем Востоке шла необъявленная, но довольно масштабная война с Японией. СССР был заложником сложившейся международной ситуации, таким же, как и Российская империя, когда в 1807 года пошла в Тильзите на временное примирение с Наполеоном.

НАШ ОТВЕТ ЧЕМБЕРЛЕНУ!

Конечно, Россия, как правопреемник СССР, не стала отсиживаться в окопах пропагандистской войны по поводу оценок Второй мировой войны и ее причин. Казалось, исторических аргументов вполне достаточно для того, чтобы спокойно и обстоятельно опровергнуть любые попытки исказить историю и повесить ярлыки на прошлое. Однако этого не произошло. Выработанные в ходе многочисленных политических кампаний пиаровские ходы были перенесены и на оценку прошлого. Под лозунгом борьбы с историческим ревизионизмом российские пропагандисты перешли во фронтальное наступление. При этом, используя выражение маршала Г. Жукова, можно сказать, что папаша пошла набекрень. Наряду со справедливыми ссылками на предвоенную политику западных государств, откровенное поощрение гитлеровского режима, подталкивание его к агрессии против СССР, в ход пошли и совсем уж абсурдные аргументы. Особенно отличились в этом плане телеканалы «Россия» и НТВ. Но безусловным хитом пропагандистской

Адольф Гитлер
в Париже,
23 июня 1940 года

шумихи, нанеся скорее вред России и общей памяти о той войне, стала статья кандидата исторических наук полковника С.Н. Ковалева «Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны». Скромный начальник научно-исследовательского отдела военной истории Северо-Западного региона РФ Института военной истории МО РФ делает такое заявление: «Все, кто непредвзято изучал историю Второй мировой войны, знают, что она началась из-за отказа Польши удовлетворить германские претензии. Однако менее известно, чего же именно добивался от Варшавы А. Гитлер. Между тем требования Германии были весьма умеренными: включить вольный город Данциг в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог, которые связали бы Восточную Пруссию с основной частью Германии. Первые два требования трудно назвать необоснованными. Подавляющее большинство жителей отторгнутого от Германии согласно Версальскому мирному договору Данцига составляли немцы, искренне желавшие воссоединения с исторической родиной. Вполне естественным было и требование насчет дорог, тем более что на земли разделяющего две части Германии «польского коридора» при этом не покушались. Кстати, в отличие от западных границ Германия никогда добровольно не признавала внесенных Версальским договором территориальных изменений на востоке» [7]. Что же, любой историк может делать свои выводы и обосновывать их. Но эта статья, напрямую обвиняющая Польшу в развязывании Второй мировой войны, некоторое время была размещена на официальном сайте Министерства обороны России, что вызвало грандиозный скандал. Следует честно признать: обвинение это совершенно необоснованно. Гитлер открыто констатировал формальность «данцигского вопроса» как предлог для начала войны. 23 мая 1939 года на заседании в Имперской канцелярии он сказал: «Данциг — не тот объект, из-за которого все затеяно. Речь для нас идет о расширении

жизненного пространства на Востоке и о продовольственном обеспечении, а также о решении проблемы Балтики» [6, с. 85]. Польшу и ее предвоенное руководство можно обвинять в шовинистическом уга-ре, безответственности перед лицом военной угрозы, но никак не в том, что она не пошла на уступки нацистской Германии. Подобные выводы не только несправедливы, но и противоречат историческим фактам.

По правде говоря, некоторые вопросы оставило открытыми и выступление Владимира Путина. Руководитель российского правительства осудил пакт Молотова-Риббентропа, назвав его аморальным. Имеется в виду, конечно, не германо-советский договор о ненападении, а секретный протокол к нему, где речь идет о разделе сфер интересов между двумя державами. В свое время специальная Комиссия по политической и правовой оценке пакта, сформированная Съездом народных депутатов СССР, представила доказательства существования этого документа. Затем Съезд народных депутатов СССР в постановлении от 24 декабря 1989 года осудил тайный протокол, подчеркнув, что он вместе с другими советско-германскими договоренностями «утратил силу в момент нападения Германии на СССР, то есть 22 июня 1941 года». Осуждается пакт и в скандальной резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ «Воссоединение разделенной Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», принятой 2 июля 2009 года. В ней не только уравнивается нацизм и сталинизм, но предлагается объявить 23 августа, день подписания пакта, «общеевропейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма во имя сохранения памяти о жертвах массовых депортаций и казней». Однако так ли уж однозначно следует оценивать пресловутый пакт?

Этот документ привел к таким изменениям границ, которые действительно и до сих пор. Для Беларуси он означал конец двад-

В. Молотов
и И. Риббентроп после
подписания советско-
германского договора
о ненападении

цатилетней польской оккупации западной части страны, сопровождавшейся ущемлением прав национальных меньшинств, и воссоединением народа в едином государстве. Еще более значим пакт оказался для Украины, которая, кроме Волыни и Галиции, входивших ранее в состав Польши, получила также Буковину и территорию, прилегающую к устью Дуная, отошедшие от Румынии. Нынешняя Молдова как государство появилась как раз в силу тех самых «территориально-политических пе-

реустройств», которые были предусмотрены пактом. Бессарабию, оккупированную Румынией в 1918 году, соединили с Молдавской АССР, в результате получилась новая союзная республика – исторический предшественник современного независимого государства Республики Молдова.

Упомянутую резолюцию ПА ОБСЕ активно продвигали представители государств Прибалтики, для которых пакт Молотова-Риббентропа стал символом утраты государственной независимости. Но это упрощенное толкование сложившейся ситуации. Фактически для Латвии, Литвы и Эстонии выбор в 1939 году был не-

велик: войти в сферу влияния СССР или Германии. Политические элиты этих стран вполне осознанно были готовы стать сателлитами нацистской Германии со всеми вытекающими последствиями. Латвия и Эстония подписали 7 июня 1939 года договоры о ненападении с Германией [8, с. 35]. 20 сентября 1939 года был подготовлен Договор об обороне между Германией и Литвой, статья 1 которого провозглашала: «Без ущерба для своей независимости как государства Литва отдает себя под опеку Германского Рейха». В основном содержании проекта договора говорилось: «Численность, дислокация и вооружение литовской армии должны быть регулярно устанавливаемы при полном согласии Верховного командования Вермахта» [8, с. 52]. Литовские политики в мае 1940 года говорили: «Германия победит союзников. Это хорошо, пусть побеждает! Затем она не-

минуемо повернет на восток и будет бить Советы. Это тоже хорошо!» [8, с. 45]. Пожалуй, комментарии здесь излишни.

Представителям Литвы в принципе не стоит упоминать о несправедливости пакта Молотова-Риббентропа. Сам секретный протокол напрямую учитывает интересы этого государства в отношении Виленской области при разделе Польши. Свою нынешнюю столицу Литовская республика получила именно благодаря советско-германским договоренностям. 10 октября 1939 года в Москве В.М. Молотов и министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис подписали Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой, в котором, в частности, говорилось: «Интересам обеих Договаривающихся Сторон соответствуют определение точных условий обеспечения взаимной безопасности и справедливое разрешение вопроса о государственной принадлежности гор. Вильно и Виленской области, незаконно отторгнутых Польшей от Литвы» [8, с. 92].

На состоявшейся по этому случаю 12 октября 1939 года праздничной демонстрации в Каунасе президент А. Сметона заявил: «В результате договоренности с дружественным нам великим Советским Союзом мы получили Вильно и Виленскую область» [8, с. 114].

Подобные примеры можно приводить до бесконечности... Очевидно, что на вопрос о том, кто был виноват в развязывании Второй мировой войны, ответ может быть только один: виноваты все. Не менее очевидно также и то, что локомотивом эскалации международного напряжения выступали три страны: нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония. А все прочие державы и даже небольшие государства стремились получить от сложившейся ситуации максимальные выгоды. О морали тогда, как и сейчас, в международных отношениях никто не думал. Поэтому заниматься пустым морализаторством означает очередной раз превращать историю в служанку большой и не очень политики.

Советский плакат, 1941 год

НАДЕЖДА НА БУДУЩЕЕ

И все же резолюция ПА ОБСЕ, заявления в духе Леха Качиньского, как и неосталинистские комплексы отдельных деятелей в России – рецидивы прошлого. Будущее за политикой совсем иного рода. Показательно, что резкий правоучительный тон польского президента не встретил, мягко говоря, понимания в мире. Обозреватель газеты «The New York Times» А. Ливен в статье «Хладнокровный взгляд на 1939 год», опубликованной 5 сентября 2009 года, приходит к такому выводу: «Полякам и остальным стоит перестать утверждать, что Советский Союз был моральным эквивалентом фашистской Германии, и что современная Россия должна это признать. Это ужасающе оскорбительно для всех россиян и особенно для большого числа тех, чьи семьи сильно пострадали во время правления Сталина». Даже простых западноевропейских обывателей начинает раздражать стремление Варшавы постоянно стоять в позе обиженной жертвы. Обычный английский читатель Мэтью Кролака в письме в редакцию газеты «The Financial Times», опубликованном 3 сентября 2009 года, сетует: «Польша же, со своей стороны, никак не может подойти к своей истории объективно; поляки достали из заглазничков и повторили заново старые обвинения и требования извинений. Да, разумеется, раз и Россия, и Германия могут примириться друг с другом и отнестись к своему прошлому (в обоих случаях трагическому) прагматично, то почему Польша не может сделать шаг вперед и начать деловое общение с Россией, сформировав новые связи, от которых и она, и все остальные страны Европы только выиграют?»

Похоже, даже в извечном противостоянии России и Польши, в их давнем историческом споре «славян между собою» может наметиться определенный сдвиг к лучшему. Симптоматична реакция ряда политиков на выступление В. Путина. Бывший премьер Польши Л. Миллер в интервью агентству «РИА-Новости» заявил: «Ста-

тья Путина важный и мудрый факт не только в польско-российских отношениях, но и в глобальной политике... К тексту, опубликованному в «Gazeta Wyborcza», Путин может добавить еще один тезис: Польша была первой жертвой Второй мировой войны, а Советский Союз был главной жертвой». Даже известный русофоб и идеолог развала Советского Союза Збигнев Бжезинский, анализируя статью В. Путина, признал: «Тональность (статьи) очень хороша, даже несмотря на то, что по некоторым специфическим вопросам польские и российские взгляды могут по-прежнему расходиться». Показательно то, что в ходе мероприятий, посвященных 70-летию начала Второй мировой войны, Россия и Польша наконец договорились о проведении совместных исследований тех трагических событий и доступе ученых к архивам двух стран. Очевидно, что подобное сотрудничество должно осуществляться не только между Россией и Польшей, но и между всеми государствами, чьи интересы были затронуты в 1939 году, включая Беларусь.

В любом случае, надежду внушают слова премьер-министра Польши Дональда Туска, который на памятной церемонии на Вестерплатте заявил: «Мы хотим, чтобы именно здесь и именно сейчас прозвучали слова об ответственности, слова правды, чтобы нынешняя встреча стала знаком надежды на изменение этой части мира к лучшему...»

Каждая историческая эпоха имеет свой цвет, запах, мелодию... Лично для меня последние предвоенные месяцы ассоциируются с удивительно красивым и печальным танго Ежи Петербургского «To ostatnia niedziela», популярного и у нас под названием «Утомленное солнце». Польский текст этой песни начинается словами: «Teraz nie pora szukać wymówek. Fakt, że skończyło się». – «Сейчас не время искать оправданий. Факт, что все окончено». Эта фраза может стать, пожалуй, хорошим девизом для политиков при их оценке событий Второй мировой войны.

Вадим ГИГИН ■

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wystapienia/art,671,przemowienie-prezydenta-na-obchodach-70-rocznicy-wybuchu-II-wojny-swiatowej.html>.
2. История Второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. / Гл. ред. комиссия: А.А. Гречко (пред.) и др. – Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. – М.: Воениздат, 1974.
3. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы: В 2 т. / М-во иностр. дел СССР; Редкол.: А.П. Бондаренко и др. – М.: Политиздат, 1990.
4. Фуллер, Дж.Ф.С. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор / Дж.Ф.С. Фуллер. – М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2006.
5. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И.В. Розанова / Общ. ред., вступ. статья и предисл. И.М. Фрадкина / Худож. А. Шуплецов. – Смоленск: «Русич», 1998.
6. Вторая мировая война: Два взгляда. – М.: Мысль, 1995. – Содерж.: 1939–1945. Вторая мировая война. Хроника и документы: Пер. с нем. Г.Я. Рудого / Г.-А. Якобсен. Вторая мировая война: Пер. с англ. З.П. Вольской / А. Тейлор.
7. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://vremya-p.ru/archives/373>.
8. Полпреды сообщают... Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: Август 1939 г. – август 1940 г. – М.: Междунар. отношения, 1990.